

УДК 351.712

Галиуллин Денис Мавлитович

студент магистратуры
Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Россия
energe14@gmail.com

Denis M. Galiullin

Post-graduate student
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ¹**

**DIGITAL TECHNOLOGIES AND
CIVIL REGULATION: CHALLENGES
AND PROSPECTS IN RUSSIA**

Аннотация

В статье исследуются проблемы, а также недостатки и преимущества, присущие процессам цифровизации в правовой системе. Проводится анализ текущего законодательного регулирования посредством рассмотрения имеющихся положений в нормативно-правовых актах, регулирующих отдельные сферы общественной деятельности. Результатами исследования являются заключения о текущем состоянии цифровизации в отдельных сферах общественных отношений, а также установленная взаимосвязь между внедрением цифровых процессов и решением текущих материально-технических и законодательных проблем. Сделан вывод о перспективах развития цифровизации и поиска путей решения имеющихся противоречий.

Ключевые слова:

цифровые технологии, правовое регулирование, закупки, исполнительное производство

Abstract

The article contains the research of the shortcomings and advantages inherent in the processes of digitalization in the legal system. The analysis is given by examining current changes in regulatory acts governing various spheres of public activity. The results of the study are conclusions on the current state of digitalization in certain areas of public relations, as well as the established relationship between the introduction of digital processes and the solution of current logistical and legislative problems. The conclusion is made regarding the prospects for digitalization development and the search for ways to resolve existing legal contradictions.

Keywords:

digital technologies, legal regulation, procurement, enforcement proceedings

Цифровизация является процессом, постоянно сопровождающим текущую трансформацию общественных отношений. Правовое регулирование также вынуждено следовать за указанным процессом, путем постоянного внесения изменений в текущие и разработки новых нормативно-правовых актов с целью упорядочивания новых и изменяющихся правоотношений. В Российском законодательстве также происходит постоянная трансформация правовых норм, отдельным аспектам которой и будет уделено внимание в настоящем исследовании.

Одной из наиболее цифровизованных сфер на данный момент является сфера закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Переход

¹ Научный руководитель: Анферова Ольга Аркадьевна, старший преподаватель кафедры, канд. юрид. наук, Пятигорский государственный университет

на цифровой документооборот здесь был начат относительно давно – с момента начала использования электронных площадок для торгов. Значимый вклад для перехода в цифровой режим оказали изменения, внесённые в 2021 году [3], подстегнувшие процесс ускорения и упрощения документооборота между сторонами. В числе таких изменений – введение единых структурированных документов, освобождение участников закупок от предоставления документов, которые можно получить путем межведомственного взаимодействия (например, выписка из ЕГРЮЛ), сокращения сроков проведения закупочных процедур.

Изменение законодательства в процедуре закупок, указанное выше, имеет определенные преимущества, такие как повышение прозрачности процедуры, снижение рисков злоупотреблений и бремени на участников закупок за счет получения некоторых документов из открытых источников.

Еще одно значимое изменение заключается в требовании публикации информации о закупках только в ЕИС. Такое изменение можно считать положительным, поскольку уменьшение объема разрабатываемых документов способствует снижению числа ошибок, включая технические, когда размещенные документы фактически противоречат друг другу.

В целом цифровизация сферы закупок имеет как достоинства, так и недостатки. Среди достоинств можно выделить следующие:

- 1) Минимизация сговора между организаторами и заказчиками с участниками, включая снижение коррупционных рисков;
- 2) Сокращение объема предоставляемой участниками документации, что упрощает процесс закупок и расширяет доступ для участников;
- 3) Постепенное достижение целей по повышению прозрачности и единообразия закупок.

Однако есть и недостатки:

- 1) Необходимость оправдания расходов на создание и поддержку электронных платформ, что увеличивает риски повышения затрат для участников и снижает доступ к закупочным процедурам;
- 2) Увеличение потребности в специалистах для проведения закупочных процедур, что также приводит к росту расходов. Кроме того, расширение круга лиц, имеющих доступ к информации о закупках, усиливает коррупционные риски.

Еще одна область, активно проходящая цифровизацию и изменяющая правовое регулирование – это сфера исполнительного производства, которую можно определить как одну из самых сложных и проблематичных, а также малоэффективных. Система исполнительного производства критикуется в течение многих лет, в том числе из-за сложности и неудобства документооборота, что приводит к многочисленным нарушениям и судебным разбирательствам.

В тот же период, когда законодательство о закупках претерпевало значительные изменения, законодательство об исполнительном производстве от него не отставало. В 2021 году возможность использования электронного документооборота для ряда случаев была закреплена и здесь [5]. И кредитор, и должник отныне могли обмениваться документами со службой судебных приставов посредством портала Государственных услуг. Тогда же были заложены позднее реализованные сейчас функции получения оповещений в рамках исполнительного производства через личный кабинет портала Госуслуг.

Дальнейшее внедрение цифровых технологий позволит автоматизировать ряд процессов в исполнительном производстве. Например, можно будет автоматически принимать решения о его начале и прекращении. Это приведет к ускорению процесса исполнения судебных решений, сокращению использования бумажной документации и улучшению средств оповещений. Ранее эти процессы замедлялись ввиду зависимости от «Почты России», что нередко приводило к утере или задержке вручения документов критически важных для их получателей. Решение таких проблем на уровне законодательства помогает снизить риски злоупотреблений, однако оно также может затрагивать права законопослушных граждан, которые вынуждены обращаться в суд для защиты своих интересов.

Как верно подмечает действующий практик, судебный пристав-исполнитель ОСП по Железнодорожному району г. Симферополь УФССП России по Республике Крым Гамалей А. О. большинство решений, разрабатываемых сейчас для исполнительного производства связаны с цифровизацией. Примерами таких решений, согласно вышеуказанному автору, могут послужить налаживание межведомственного электронного взаимодействия между правоприменительными органами и организациями, имеющими полномочия по исполнению их решений, что в том числе путем исключения из процесса судебных приставов-исполнителей [7, с. 579].

Несмотря на кажущуюся революционность этой идеи, фактически она уже нашла свое воплощение. Так, существующее законодательство об исполнительном производстве позволяет взыскателям по рядам обязательств обращаться напрямую в банки и кредитные организации с обязательными для исполнения решениями, не обращаясь в службу судебных приставов [2]. Безусловно, полное исключение судебных приставов-исполнителей из процесса исполнения, включая взыскание денег, не является целесообразным, так как это приведет к фактическому сокращению данной государственной службы. Вместо этого необходимо развивать цифровое взаимодействие, включая взаимодействие между банками, кредитными организациями и службами судебных приставов, а также с другими государственными органами и участниками правовых отношений.

Возможно следует принять во внимание точку зрения другого автора Добриной Т.Б., согласно которой дальнейшим развитием процесса цифровизации исполнительного производства может стать сокращение сроков ответа на запросы судебных приставов-исполнителей до одного рабочего дня со дня его получения в электронном виде [8, с. 355]. Такое решение в свою очередь требует надлежащего оснащения различных организаций и назначения ответственных лиц за осуществление цифрового взаимодействия с другими участниками электронного документооборота. Однако, пока подавляющее большинство коммерческих и некоммерческих организаций не обзаведутся собственным личным кабинетом на портале Госуслуг и средствами электронной цифровой подписи, такая мера реализована быть не может. Отсюда можно прийти к выводу, что законодательное внедрение цифровизации может только следовать за обновлением материально-технической базы организаций, а не наоборот.

Кстати, имеющаяся в настоящее время привязка большинства государственных сервисов к portalу Госуслуг также может стать проблемой. Хотя этот портал удобен, значительная часть населения России ограничена в доступе к интернету и, следовательно, к его использованию. Некоторые люди (чаще пожилые) до сих пор не овладели навыками работы с подобными порталами, а то и становятся жертвами недобросовестных лиц, выступающих якобы представителями государственных структур или службой поддержки портала Госуслуг.

Обязанность граждан использовать портал Госуслуг или другие электронные системы пока законодательно не закреплена. Поэтому введение такой обязанности

через законодательную инициативу сейчас не следует рассматривать, так как следствием этого может быть то, что часть населения не сможет решать свои вопросы.

Эта проблема не связана с недостатками правового регулирования, а имеет практическую природу, определяемую отсутствием доступа в интернет, необходимого оборудования (включая материальные ограничения) и навыков. Поэтому максимальная цифровизация взаимодействия в обществе будет возможна только при обеспечении обучения и увеличения доходов населения, чтобы каждый гражданин мог иметь необходимое оборудование и средства для доступа в интернет.

Один из важных аспектов, на который стоит обратить внимание при цифровизации и ее правовом регулировании, — это модель гражданско-правового регулирования цифровых технологий. Цифровые технологии уже давно влияют на сферу гражданских прав, включая появление цифровых активов и возможности ведения электронного учета ценных бумаг, что привлекло внимание законодателей и спровоцировало изменения в правовом регулировании и процессах взаимодействия, все более интегрирующих современные технологии.

Ввиду обширного распространения новых цифровых активов в обществе, вопрос их правового положения и законодательного регулирования становится актуальнее с каждым днем. Единый подход среди исследователей данного явления пока не выработан. Вместе с тем целесообразно выделить точку зрения А.А. Карчихия на сущность гражданско-правового подхода к регулированию цифровых прав. Указанный автор отмечает необходимость комплексного регулирования, затрагивающего возникновение и переход прав, но и закрепление субъектного состава участников таких правоотношений, конкретных способов распоряжения цифровыми правами [9, с. 13].

Ввиду наличия ряда уникальных черт, присущих его процессам цифровой гражданский оборот не может в полной мере соответствовать уже имеющемуся перечню объектов гражданских прав [1]. Формализация цифровых прав и совершение сделок по объектам цифровых прав имеют свои особенности. В настоящее время нематериальность объекта правовых отношений уже не является новинкой ввиду развития норм права. Однако в контексте регулирования цифровых прав существуют свои уникальные аспекты, некоторые из которых требуют дальнейшего изучения и остаются предметом обсуждения.

Одним из таких аспектов является признание в качестве объекта гражданских прав и регулирование оборота криптовалюты. Согласно Д.Ю. Вяжеву и О.В. Тищенко

технология, лежащая в ее основе (блокчейн) стала одним из выходов из «дефицита долгосрочного финансирования» в том числе и для государства [6, с. 35].

Ввиду все возрастающего числа пользователей и объема транзакций с участием криптовалюты такая точка зрения представляется верной с рядом оговорок. Данному цифровому активу еще предстоит доказать свою жизнеспособность в долгосрочной перспективе и получить законодательное признание как альтернативы традиционным финансовым институтам. Вопрос ее обеспеченности ввиду отсутствия общепризнанных механизмов эмиссии и привязки к золотовалютным резервам или курсу мировых валют является до сих пор дискуссионным. Кроме того, одно из ее преимуществ – анонимность использования одновременно является и недостатком, создающим препятствия для защиты нарушенных прав пользователей в случае недобросовестных действий других участников оборота.

В России положение криптовалюты двойственно, поскольку с одной стороны она не может приниматься в качестве средства платежей согласно позиции ЦБ РФ, а с другой стороны государство не запрещает ее целиком, разрешает владение ею и признает ее объектом налогообложения. В текущей редакции закона, регулирующего цифровую отрасль, запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного представления по сделкам [3]. В текущей судебной практике право на защиту своих интересов такие лица приобретают только при условии, что они информировали налоговые органы об обладании цифровой валютой и совершали с ее помощью сделки, не противоречащие законодательству Российской Федерации. Причиной таких ограничений со стороны государства представляется именно анонимность и отсутствие какой-либо обеспеченности у криптовалюты. Использование такого актива на условиях анонимности выводит такие отношения за рамки регулируемого государством гражданского оборота, что также влечет исчезновение гарантированного государством права на защиту своих интересов.

Наглядным примером сложившегося подхода к правовому положению криптовалюты в РФ служит дело, рассмотренное Арбитражным судом Поволжского округа [10]. Истец обратился в суд с заявлением о взыскании упущенной выгоды и убытков в виде реального ущерба ввиду повреждения оборудования для майнинга криптовалюты по вине оператора электрической сети. Суды нижестоящих инстанций отказали в удовлетворении его требований, что послужило основанием для обращения в суд кассационной инстанции, который поддержал ранее вынесенные

решения. В обоснование своей позиции суд отметил, что Истцом не было представлено никаких доказательств того, что у него имелась реальная возможность добыть (майнить) криптовалюту и получать доходы от ее реализации, которые он получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Также суд учел, что в спорный период какое-либо законодательное урегулирование криптовалюты в РФ отсутствовало. Истец не вел бухгалтерский учет добытой криптовалютой, кроме того, произведенные посредством оборудования истца и его партнера совместные результаты криптографических вычислений аккумулировались на одном аккаунте, созданным физическим лицом – директором Истца. Отдельно были отмечены спекулятивная природа оборота криптовалюты и возможное ее вовлечение к финансированию противоправной деятельности.

Данный прецедент иллюстрирует, что несмотря на действие федерального закона, который определяет сущность криптовалюты, она до сих пор не признана полноценным объектом гражданского оборота в России. Цифровые права, требующие защиты на территории РФ, имеют схожие черты с ценными бумагами и иными зарегистрированными цифровыми активами, которые предполагают идентификацию субъекта права. Таким образом, в данной области правовое регулирование все еще недостаточно развито.

Особенно интересен «спекулятивный» характер сделок с криптовалютой с точки зрения суда. Здесь можно усмотреть аналогию с правовыми гарантиями в играх и пари, где защита предоставляется только в случае государственного обеспечения таких мероприятий. Отмежевание криптовалют от официальных валют является причиной того, что владельцы криптовалюты не получают полноценной юридической защиты.

Что касается вопросов взыскания упущенной выгоды в отношении криптовалюты, здесь ситуация практически такая же, как и в других случаях, связанных с доказательством упущенной выгоды. Эта проблема пока не нашла окончательного решения в российской правоприменительной практике. Следовательно, доказательство того, что упущенная выгода могла быть получена, но была упущена по вине конкретного лица, представляется сложной задачей.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданско-правовое регулирование цифровых технологий в России находится в состоянии становления, и актуальность его развития возрастает. Само существование таких технологий предполагает

необходимость их признания и защиты прав. Можно предположить, что в будущем цифровые технологии станут приоритетом, особенно в условиях всеобщей цифровизации и стремления государства максимально их внедрить. Однако оборот и правовое регулирование этих технологий зависят от степени их контроля и от разработки средств идентификации владельцев для защиты их прав.

В заключение можно прийти к выводу о безусловной пользе цифровизации при надлежащей ее правовой регламентации и наличии материально-технической базы для ее обеспечения. Она уже широко внедрена в государственные механизмы осуществления закупок и принудительного исполнения судебных решений, причем внедрена довольно успешно. Повсеместное применение цифрового взаимодействия становится вопросом фактически решенным, однако требующим четкой правовой регламентации и постепенного внедрения в текущие гражданско-правовые отношения. Текущие недостатки и вопросы цифровизации обусловлены рядом вполне устранимых факторов, таких как несовершенство нормативно-правовой базы, недостаточная цифровая грамотность и оснащенность населения. Есть и вопросы, которые требуют более сложных и комплексных мер для решения, например ведение противоправной деятельности посредством цифровых активов, необходимость обеспечения цифровой надежности и противостояния внешним цифровым угрозам при растущем уровне использования цифровых технологий в гражданском обороте.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 31.07.2021.

4. Федеральный закон от 02.07.2021 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 02.07.2021.

5. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 21.12.2021.

6. Вяжев, Д. Ю. Криптовалюта как объект гражданско-правового регулирования / Д. Ю. Вяжев, О. В. Тищенко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2022. – № 2 (48). – С. 35-38.

7. Гамалей, А. О. К вопросу о направлениях цифровизации исполнительного производства / А. О. Гамалей // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Симферополь, 2022. – С. 576-581.

8. Добрина, Т. Б. Цифровизация исполнительного производства в России. Обращение взыскания на цифровые активы / Т. Б. Добрина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 4 (56). – С. 353-359.

9. Карчихия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. ... докт. юр. наук / Карчихия Александр Амиранович. – М., 2019. – 44 с.

10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.10.2021 № Ф06-9272/2021 по делу № А57-15876/2020 // Справочно-правовая системы КонсультантПлюс.